

УДК 930.1

ИСЛАМСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ В ТАТАРСКОЙ ДЕРЕВНЕ МОРДОВИИ В СОВЕТСКИЙ И ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОДЫ¹

И.Р. Миннуллин

*Институт истории им. Ш.Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
i.minnullin@gmail.com*

Автор данной статьи рассматривает современную исламизацию татарского села Белозерье в Мордовии в контексте его социально-экономического развития. В то время как ситуация по Мордовии в конце советского периода, в целом, характеризовалась массовым уходом от земли, население Белозерья продолжало расти. Хотя коллективное хозяйство села приходило в упадок, региональные власти не проявляли беспокойства, что позволило процветать «теневой» экономике. В то же время ислам развивался локально без особых попыток институционального строительства.

Тем не менее кейс показывает, что социальная дифференциация в результате частного предпринимательства, продолжающаяся этническая и конфессиональная изоляция и невмешательство советских властей оказали серьезное влияние на ход реисламизации после распада советского режима. В деревне сложилось несколько религиозных обществ, каждое из которых подчиняется разным муфтиятам. Также в Белозерье был представлен исламский радикализм, однако ограниченный лишь концом 1990-х гг.

Ключевые слова: Мордовия, Белозерье, татары, ислам, исламское возрождение, реисламизация, колхоз, частная экономика, советский период, постсоветский период

Введение

В течение прошлых двух десятилетий в Среднем Поволжье, как и других частях бывшего Советского Союза, проходили процессы, названные как «исламское возрождение». Среди прочих оно характеризовалось институциональными аспектами, т.е. регистрацией мусульманских обществ, строительством мечетей, открытием исламских учебных заведений,

---

¹ Данная статья была подготовлена в 2012 г. на основе исследования в рамках международного проекта «From Kolkhoz to Jamaat: The Politicisation of Islam in the Rural Communities of the Former USSR: An Interregional Comparative Study, 1950s–2000s» (2009–2011, Volkswagen Foundation, Hamburg). Впервые опубликована на английском языке в сборнике: *Allah's Kolkhozes. Migration, De-Stalinisation, Privatisation and the New Muslim Congregations in the Soviet Realm (1950s–2000s)* (=Islamkundliche Untersuchungen Band 314), Berlin: Klaus Schwarz, 2014 [60].

формированием института имамов и улемов. Кроме того, практически в каждом регионе Среднего Поволжья были созданы новые органы управления мусульман – региональные муфтияты. Однако формы этих процессов значительно отличались в разных республиках и областях, а иногда даже в пределах одного региона.

Анализ исследований на эту тему показал, что степень участия государства оказала решающее влияние на различные формы, которые приобрело исламское возрождение в отдельных территориях Российской Федерации. Так, в Татарстане роль власти в регулировании религиозной жизни существенна. Государство (в лице республиканских и местных органов) не только контролировало, но политически и экономически поддерживало лояльные ей мусульманские институты. Последнее было особенно важно для тех локальных мусульманских общин, которые не способны к автономному существованию.

В других регионах, где этнические мусульмане не представляют большинство населения, а роль местных светских и религиозных элит не так значительна, позиция власти в «исламском вопросе» была не всегда однозначна. В одних случаях, в целом, было достигнуто соглашение с мусульманами, что не приводило к сильной политизации ислама. Примеры этого курса развития мы видим, например, в Республике Чувашия, Самарской и Нижегородской областях. В других случаях наблюдался конфликт государства и мусульманских общин, например, в Республике Мордовия и Пензенской области.

Также важно различать особенности реисламизации в городах и селах Среднего Поволжья. В Татарстане бурные процессы исламского возрождения прошли, прежде всего, в городах. В селах же, напротив, реисламизация практически не вышла за рамки строительства мечетей. Такая ситуация характерна и для других регионов Среднего Поволжья.

Однако в ряде областей основными центрами исламского возрождения стали именно села. Яркими примерами этого явления можно назвать села Шыгырдан (Республика Чувашия), Средняя Елюзань (Пензенская область) [61], Белозерье (Республика Мордовия). Так или иначе, эти села хорошо известны в России и преподносятся СМИ в качестве образцовых мусульманских общин. Общим для их развития являются большое количество мечетей и людей, соблюдающих исламские обряды, демографический рост, развитое частное предпринимательство. В то же самое время течение исламского возрождения проходило в них по разным моделям. Например, реисламизация в Шыгырдане состоялась, прежде всего, в институциональных рамках и не привела к политизации.

Случаи Средней Елюзани и Белозерья представляют другой сценарий. Различные публикации о последних двух селах показали, что на ход реисламизации здесь некоторое влияние оказали внешние факторы (зарубежный ислам, в том числе – радикальный). Это привело к политизации ислама, конфликту с государственной властью, разделению мусульман-

ской общины на так называемых «традиционных» и «новых» мусульман. В социально-экономическом плане оба села показали пример успешного развития и некоторую степень автономии общины от государства.

Все это стало причиной выбора кейсом татарского села Белозерье в Республике Мордовия. Можно ли было объяснить произошедшие здесь бурные процессы (ре-)исламизации живучестью религиозных традиций в советский период? Или это было результатом «импорта» «зарубежного» ислама в постсоветское время? Не отвергая эти факторы, мы попытались рассмотреть влияние и других аспектов, в первую очередь – социально-экономических условий советского и постсоветского периодов.

В ходе исследования были рассмотрены наиболее важные вопросы экономической и социальной истории Белозерья с 1950-х гг. до конца советского периода. Они включают в себя соотношение государственной (колхоз) и частной экономических систем, демографические процессы, социальные явления, развитие исламских практик. Все это было важно, чтобы понять насколько сельская община была затронута советскими трансформациями.

Вторая цель состояла в том, чтобы изучить социально-экономические и политические аспекты развития Белозерья в постсоветский период. Здесь в меньшей степени уделялось внимание экономическим аспектам в пользу изучения процессов в религиозной сфере в контексте социальных и политических явлений.

В течение 2011 г. были проведены полевые выезды в село. Кроме включенного наблюдения, основная цель этой работы сводилась к сбору устного материала: проводились интервью с местными религиозными деятелями, представителями обоих муфтиятов Мордовии, администрации колхоза и села, мусульманских обществ, интеллигенции.

Информация, полученная в полевых исследованиях, была дополнена данными из письменных источников. Большая часть этого письменного материала была собрана в Государственном архиве Пензенской области (Пенза), Центральном государственном архиве Республики Мордовия (Саранск), Государственном архиве Российской Федерации (Москва). Несмотря на все разнообразие архивного материала, он ограничен для исследования темы. Наряду с большим количеством хозяйственно-экономических документов (отчеты, статистика), позволяющих восстановить историю колхоза, очень незначительно и отрывочно в архивах представлена религиозная история советского периода. Постсоветский период развития Белозерья вообще не представлен в архивах и восстанавливался на основе интервью и материалов СМИ.

Исследуемые аспекты не получили освещения и в научной литературе. Есть много новейших исследований по истории развития сельского хозяйства Мордовии [2, 14, 15]. Однако, на уровне микроисторий данная проблематика не разрабатывалась. Также отсутствуют исследования по советской политике в отношении ислама в Мордовской АССР и истории

отдельных мусульманских общин. Постсоветский период представлен единичными работами по процессам исламского возрождения 1990-х гг. в Мордовии [13, 26, 29], а также небольших статей общего характера о современном Белозерье [20, 57].

Утверждение советской власти

Как и в других татарских деревнях дореволюционной России формой организации общественной жизни в Белозерье была махалля. В селе было три махалли, каждая из которых имела свою мечеть. Утверждение советской власти в 1917 г. не сразу привело к установлению нового социального порядка. Формально новой политической администрацией стал организованный в 1918 г. сельсовет. Хотя религиозные деятели официально лишились своего общественного статуса, они сохраняли свое влияние на население. Одним из религиозных лидеров села был Хамзя Айзатуллин (Халиков), происходивший из семьи потомственных имамов и получивший образование в известном медресе г. Касимова (ныне в Рязанской области). Приехав в Белозерье в первые годы советской власти, Хамзя неофициально выполнял роль духовного лидера и учителя. Ему каким-то образом удалось избежать репрессий, возможно, благодаря частым отъездам из села на заработки [59]; он остался практически «неприкасаемым» авторитетом вплоть до своей смерти в 1974 г.

Только к концу 1920-х гг. сельские общины подверглись трансформации, обусловленной коллективизацией. Кроме экономических целей эта политика должна была привести к общественно-политическим изменениям – к разрушению всей основы старой сельской общины.

Колхозное строительство в Белозерье, как и в других татарских селах [24, с.108–112], не отличалось каким-либо своеобразием: особого противостояния в организации колхоза не было, но коллективизация проходила с переменным успехом. Первая сельхозартель «Янга Турмыш» («Яңа Тормыш», «Новая Жизнь») на территории Белозерьевского сельсовета Ромодановского района¹ была образована в 1929 г. Однако большинство жителей игнорировало коллективизацию и не вступало в этот колхоз. Пассивное сопротивление было отмечено именно в татарских селах района – Алтары, Белозерье, Иняты [39, л.65]. Еще к 1935 г. в колхозе «Янга Турмыш» состояло примерно 1/3 хозяйств [50, л.6, 11, 14, 18]. Но уже к концу этого года коллективизация среди татар Мордовии, в том числе и по Лямбирскому району², считалась завершённой.

---

¹ С 1928 г. Белозерье вошло в состав вновь образованного Ромодановского района Мордовского округа Средневожской области (в 1930 г. Мордовский округ преобразован в Мордовскую автономную область, а в 1934 г. – в Мордовскую АССР).

² С 1933 г. Белозерье, Алтары и Иняты вошли в состав Лямбирского района.

Другим важным аспектом советской модернизации была и антирелигиозная борьба, принявшая форму закрытия церквей и мечетей, а затем открытых репрессий верующих. В Белозерье две мечети были закрыты в 1929–1930-х гг. [51, л.49]. Третья мечеть уцелела, но не использовалась, т.к. у общины не было имама и средств для ее содержания, и была закрыта в 1940 г. К этому времени в Мордовии оставались открытыми лишь 4 мечети из примерно 130 [40; 53, л.4–9].

Колхоз как внешний маркер советизации

В ранний советский период процессы трансформации сельских сообществ являются сложным и неоднозначным явлением. Региональные модели и темпы сталинской модернизации сильно различались, и даже в рамках одного региона она принимала разные формы.

Ряд сел, несмотря на вначале активное сопротивление, в последующем вписывался в советскую экономическую и общественную модель. Например, село Алтары. Большое село с тремя мечетями и известным на всю губернию медресе считалось религиозным центром региона. Весной 1930 г. это село стало центром самого массового выступления татар-крестьян против насильственной коллективизации в районе. Его удалось подавить только с помощью вооруженных сил и массовых арестов [23, с.134]. Однако в дальнейшем местный колхоз успешно развивался и на протяжении всего советского периода считался одним из передовых. Кроме этого, с 1948 г. в Алтарах работала практически единственная¹ на всю советскую Мордовию мечеть. Очевидно, что здесь власть шла на тактические уступки, учитывая недавние антиколхозные выступления. На развитии села могло сказываться и его выгодное географическое положение – 7 км от районного центра и 5 км от железнодорожной станции.

Но история Белозерья показывает другую модель модернизации. Местное население не оказывало активного сопротивления советской власти. Формально в селе существовал сельсовет и колхоз, мечети закрыты, религиозных лидеров не осталось.

Но это было лишь фасадом – новые советские институты фактически не работали. Основная форма общественной жизни – колхоз – не оказал серьезного влияния на социально-экономические отношения. Особой специализации колхоза никогда не было, в основном, его деятельность была ориентирована на растениеводство. По отчету колхоза «Янга Турмыш» на 1950 г., в растениеводстве были заняты 4 полеводческие бригады и 1 овощная, в которых работало 282 колхозника. Животноводству уделялось меньшее внимание, в нем было занято всего 14 человек, а поголовье скота было незначительным [56]. Вообще колхоз практически на протяжении всей сво-

---

¹ С 1947 г. мечеть работала еще и в селе Пензятке, но была закрыта в конце 1950-х гг.

ей истории оставался ниже среднего по сравнению с другими хозяйствами района и не был отмечен какими-либо серьезными достижениями.

Одной из причин такого развития хозяйства было малоземелье: за колхозом было закреплено всего около 1400 га земли. В 1950 г. в рамках общего курса по укрупнению хозяйств к колхозу «Янга Турмыш» был присоединен колхоз «Янга Фикер» («Яңа Фикер», «Новая мысль») соседнего села Иняты; укрупненный колхоз позже назван «40 лет Октября». Но это слияние оказалось несущественным: площадь его сельскохозяйственных угодий увеличилась всего до 2088 га.

«Хрущевский» период не изменил ситуацию, хотя развитие колхоза и было стабильным. В целом по Мордовии в это время происходит укрепление колхозов, которое выражалось в увеличении угодий, посевов, количества скота и машинного парка [2].

Негативные явления в государственном секторе экономики Белозерья проявились в «брежневскую» эпоху. С 1970-х гг. неконтролируемый местной и республиканской властью колхоз постепенно приходил в упадок. В Мордовии в этот период предпринимались попытки ликвидировать экономически нерентабельные хозяйства путем реорганизации колхозов в совхозы и укрупнения колхозов. Например, программы развития АПК Ромодановского района¹ предполагали объединить колхозы «40 лет Октября» и «Шефская звезда», в результате чего хозяйство получило бы 4550 га угодий [2, с.170]. Однако эти планы не были реализованы.

Как следствие, в последующем кризисные явления усилились. Вплоть до перестройки происходит снижение всех экономических показателей колхоза «40 лет Октября». Так, количество колхозников, работавших в растениеводстве (большинство колхозников), с 1965 по 1985 гг. снизилось в 10 раз, животноводов – в 2 раза. Сократилось количество крупного рогатого скота и прекратилось разведение птицы. Площадь возделываемых зерновых культур падает с 1189 га до 775 га. К 1985 г. парк сельскохозяйственной техники состоял из старых, полученных в 1970-е гг., машин [41, л.49–72; 42, л.290–337; 44, л.41–80].

Демографическое развитие

Можно было ожидать, что экономический спад оставит свой отпечаток на социально-демографическом развитии села. Аграрная политика в Мордовии в 1970-е гг. способствовала усилению миграционных процессов в сельской местности. В 1980-е гг. эта тенденция сохранилась, что создало напряженный баланс трудовых ресурсов в республике. С 1959 по 1984 гг. сельское население республики уменьшилось на 50%. Поскольку из села уезжали, в основном, молодые люди, это привело к диспропорции в половозрастной структуре. К 1985 г. люди пенсионного возраста в сельской местности составляли около 30% [2, с.174, 187; 15, с.102,103].

---

¹ С 1963 г. Белозерье окончательно вошло в состав Ромодановского района.

Интересно, что Белозерье демонстрирует другой сценарий. В 1930-е гг. оно еще уступало некоторым татарским селам района по демографическим показателям. Если в ходе войны произошло уменьшение населения, то к середине 1950-х гг. демографическая ситуация стала выправляться, и по количеству дворов Белозерьевский сельсовет превзошел другие сельсоветы района [52, л.5; 54, л.22; 55, л.7; 56, л.1].

Резкий скачок демографических показателей села обозначился в 1960-е гг. К 1965 г. в самом Белозерье проживало 2070 человек [48, л.34]. По количеству дворов оно уже значительно опередило другие татарские села, которые с середины 1950-х гг. либо остались на том же уровне, либо выросли незначительно. Следующее десятилетие продемонстрировало еще больший разрыв показателей. К 1974 г. население Белозерьевского сельсовета (с селом Иняты) достигло 3000 человек. Из 17 сельсоветов Ромодановского района это был самый высокий показатель [49, л.26].

В последующие годы демографический рост замедлился и на протяжении с 1980 по 1990 гг. показатели были стабильными, когда число жителей колебалось около 2500 [43, 45, 46].

Образцы частной экономики

Перед лицом такой демографической ситуации и пропорционального роста количества своих членов небольшой колхоз «40 лет Октября» был неспособен обеспечить работой все население села. Отчеты колхоза за 1965–1985 гг. показывают, что из 1000–1500 трудоспособных в общественном хозяйстве участвовали примерно около 800 человек. Это число осталось относительно устойчивым в течение этого периода [41, л.49–72; 42, л.290–337; 44, л.41–80]. Кроме того, большая часть этих колхозников – сезонные рабочие, которые были задействованы, в основном, во время летних полевых работ. Поэтому фактически в хозяйстве постоянно были заняты около 200–300 жителей, еще небольшая часть работала в бюджетной сфере.

На этом фоне многие жители села были вынуждены искать альтернативные источники дохода, как производство и продажа собственной сельскохозяйственной продукции или отходничество («шабашка»). Действительно, предприимчивость белозерьевцев была известна за пределами села: среди жителей соседних сел и города сложилось определение их как «спекулянтов». Таковую «славу» жители получили благодаря торговле семенами подсолнечника. Ее объемы и включенность практически каждой семьи позволяют характеризовать ее как уникальное явление для советского сельского социума.

Сложно точно определить, когда этот вид заработков стал распространяться в Белозерье. Сами жители иногда отмечают, что выращивание подсолнечника было характерно еще до революции. Большинство мнений сходится на том, что это явление появилось после войны, когда продажа собственной продукции была единственным способом выжить. Интересно, что в 1950-е гг. выращиванием подсолнечника занимался и колхоз, но в 1960-е гг.

прекратил это делать, как в целом и везде по Мордовии. Это было связано с технологическими трудностями его обработки и отсутствием техники [14].

Развитие этого вида частного предпринимательства шло в последующем постепенно. Сначала под подсолнечник отводилась часть личного приусадебного участка, затем он использовался практически полностью. Высушенные семена жарились и продавались на рынках Саранска и других близлежащих городов. В основном, в продажу семечек были вовлечены женщины.

Малоземелье не позволяло превратить это дело в основной источник дохода. Постепенно больший доход стало приносить не выращивание, а переработка семян подсолнечника, выращенного за пределами села. Основная часть мужчин села была занята на сезонных работах, в основном, на строительстве в различных регионах России. При этом за «шабашку» рабочие часто брали не деньгами, а натуральной оплатой – семечками. Они привозились в село и после переработки (чистка, жарка) продавались. В некоторых случаях семечки закупались по государственным ценам в колхозах и совхозах соседних областей.

Этот бизнес затронул большинство семей Белозерья, каждая из которых имела собственную налаженную экономическую систему с точки зрения того, где купить сырье, как обойти советские законы о спекуляции и т.д. География деловых поездок жителей Белозерья очень разнообразна, она включала Оренбургскую, Куйбышевскую (ныне Самарскую), Астраханскую области и др. Также у каждой семьи существовали свои ареалы сбыта товара: от близлежащих городов и рынков до постепенного охвата практически всей России.

Возможно, что участие населения в этом бизнесе стало массовым в 1980-е гг., когда кризисные явления в государственной экономике возросли. Работа в колхозе была низкооплачиваемой, а торговля позволяла иметь твердый доход. К концу «брежневской» эпохи уже достаточно большая часть трудоспособного населения оставалась вне колхоза. Статистика показывает, что число трудоспособных колхозников, не выработавших в колхозе ни одного дня, резко возросло. Если в 1965 г. эта категория составляла всего 175 человек, то к 1980 г. она увеличилась до 524, а к 1985 г. – до 767 [41, л.49–72; 42, л.290–337; 44, л.41–80]. Это были именно те жители, которые числились колхозниками, но фактически не работали в колхозе, а занимались продажей семечек.

Считается, что достаточно много белозерьевцев было привлечено к ответственности за спекуляцию. Хотя какую-либо судебную статистику выявить не удалось. В то же время многим удавалось обходить закон: использовались подкуп милиции, справки сельсовета, грамотно составленные договоры.

Важно отметить, что этот бизнес резко выделил благосостояние жителей Белозерья в отличие от других сел. В конце 1970-х – начале 1980-х гг. здесь прошел бум индивидуального жилищного строительства, сменивший деревянный облик села на кирпичную архитектуру.

Социальные проблемы

Ситуация с динамичным развитием частной экономики в ущерб государственной показывает, что как местная, так и республиканская власть практически не регулировали жизнь сельского общества в Белозерье. Существование колхоза было скорее номинальным, и для власти было очевидно, что причина его развала в том, что колхозники не участвуют в общественных работах, а заняты «спекуляцией» [18]. На фоне благосостояния семей социальная инфраструктура Белозерья на протяжении практически всего советского времени оставалась на низком уровне: не было больницы, клуба, детского сада, школа не вмещала всех детей. Нормальная дорога до села появилась только в 1990-е гг. Программы социально-экономического развития села не выполнялись¹.

Причины такого невнимания власти к Белозерью еще требуют дополнительных исследований. Само население указывает на национальный фактор: в Ромодановском районе татарскому меньшинству (из 50 сел только три татарских – Алтары², Белозерье, Иняты) не уделялось особого внимания. Но необходимо отметить, что и само сельское сообщество изолировалось и не пускало в свой мир «чужих». В СМИ и в разговорах с населением часто встречается мнение о закрытом характере и образе жизни населения Белозерья, живущего по своим законам. С точки зрения ведения бизнеса такая изоляция была положительной, т.к. его секреты оставались внутри села и семей. Это может, например, объяснять предположение, что жители Белозерья практически не вступали в брак с жителями других сел.

С другой стороны, это стало причиной появления социальных проблем села, обнажившихся в «брежневскую» эпоху и получивших развитие в постсоветский период. Одним из негативных социальных явлений в Белозерье было похищение девушек. Считается, что оно возникло в советское время, в 1960-е гг., и к 1980–1990-м гг. приобрело серьезные масштабы [20, с.180]. Статьи в СМИ 1990–2000-х гг. сделали похищение девушек «визитной карточкой» Белозерья, при этом акцентировав внимание только на его самой грубой форме – похищение с целью изнасилования и насильственного брака.

Но это явление многосложно и отражает различные социальные факторы развития села. Например, похищение было частью традиционных особенностей и могло проводиться «добровольно» – по обоюдному желанию молодых людей (если родители против) или по желанию их родителей (например, если у мужчины нет средств для калыма). Кроме этого, здесь мог отражаться и половой дисбаланс. Если после войны в Белозерье значительно преобладало женское население, то к середине 1970-х гг. половой состав

---

¹ В 1980-е гг. осталась нереализованной идея строительства в Белозерье трикотажной фабрики.

² Об особом положении Алтар уже было сказано ранее.

выровнялся, а затем начал расти в пользу мужского населения [42, л.290–337; 44, л.41–80; 48, л.34; 49, л.26; 54, л.22; 55, л.7; 56, л.1].

Среди социальных проблем важной была ситуация с образованием. Анализ статистических данных показал, что если в 1960-е гг. были единицы не учащихся в возрасте 7–15 лет, то уже к 1974 г. этот показатель значительно увеличился: не учились в школе 219 мальчиков и 212 девочек (учились около 1000 детей) [49, л.26]. По этому показателю Белозерьевский сельсовет также опережал другие села. Одной из причин создавшегося положения была экономическая: дети помогали родителям на приусадебных хозяйствах, в торговле, из-за чего у них не было возможности учиться. Но нельзя исключать и причину, встречающуюся в публикациях СМИ: девочки старших классов не учились в школе потому, что родители опасались их похищения и насильственного брака.

Исламская идентичность

В этих условиях сохранялась и исламская идентичность населения. После войны ислам в Белозерье не получил официального статуса. В 1940-е гг. власть вынужденно пошла на уступки верующим, и многие татарские села Мордовии, в основном Лямбирского района, подавали ходатайства о регистрации общин и открытии мечетей. Но жители Белозерья остались в стороне от этой кампании, очевидно, понимая ее безнадежность¹.

В целом, в Белозерье в послевоенный период проходили процессы, характерные и для других мусульманских территорий РСФСР. Отсутствие мечети и официального муллы не мешало его населению проводить религиозные обряды. Власть не предпринимала каких-либо активных действий против этого. Научно-атеистические лекции среди населения, как правило, были формальны, а гражданские обряды не стали заменой обрядам, проводившимся по мусульманским канонам – «никах», «исем кушу», похороны, обрезание мальчиков.

Приверженность традиции ярко проявлялась во время религиозных праздников – «Ураза байрам», «Курбан байрам». До 1960-х гг. в документах контролирующих органов отмечается, что в эти дни мусульмане прекращали работы, а сельская власть не могла остановить этот процесс и шла на компромисс: колхозникам предоставлялась возможность отработать это время в другие дни. Также в тот период указывается на большое количество молодежи, принимающей участие в празднике, и учащихся, не посещающих в праздник школу.

---

¹ В документах Совета по делам религиозных культов при СНК СССР сохранилась его переписка с Уполномоченным по Мордовской АССР за 1945–1948 гг., в которой отмечалось упорное нежелание пойти навстречу мусульманам со стороны председателя Лямбирского райисполкома, якобы заявившего, что «он в своем районе ни одной мечети не откроет» [6, л.2–5а].

В 1960-х гг. в архивных источниках практически нет подобных фактов. С этого времени участие населения в праздниках приобрело более «спокойные» формы. В фондах районных исполкомов сохранились отдельные документы за 1960–1970-е гг., в которых отмечалось прохождение мусульманских праздников. Как правило, до праздников проводилось чтение Корана в двух-трех частных домах. Непосредственно же в день праздника практически все население собиралось на территории кладбища для совершения коллективной молитвы. Часть населения собиралась в домах и на пятничный намаз.

Вообще Уполномоченные Совета по делам религиозных культов (СДРК) при СНК СССР по Мордовской АССР не выделяли Белозерье из общей массы татарских сел района и Мордовии. Это частично связано с тем, что информация собиралась, прежде всего, по зарегистрированным обществам, в то время как остальные общины представлены в документах очень фрагментарно. Например, Уполномоченный СДРК в 1940–1950-е гг. Манеров практически не выезжал в Белозерье и не считал село религиозным. Отсутствие контроля над селом, в том числе и со стороны Уполномоченного СДРК, также способствовало изоляции сельской общины и сохранению, в том числе, исламских практик.

Несмотря на отсутствие официального религиозного общества, Белозерье, возможно, было единственным в Мордовии татарским селом, где на протяжении всего советского периода сохранялась преемственность религиозных знаний от людей, имевших религиозное образование. В советский период здесь были те, кто учился в медресе до революции, как Хамзя Айзатуллин, или в неофициальном медресе Алтар в 1920-е гг. Эти люди выполняли роли неофициальных религиозных лидеров. В отчете за 1954 г. Уполномоченный СДРК сообщил, что кроме Алтар ни в одном селе не было муллы с религиозным образованием. Как пример приводилось зарегистрированное общество Пензятки, где мулла был выбран из сельских жителей без какого-либо религиозного образования [7, л. 5].

Однако известно, что после войны неофициальным муллой в Белозерье стал уже упоминавшийся мулла Хамзя Айзатуллин. Вплоть до 1970-х гг. он оставался самым авторитетным религиозным деятелем и сыграл важную роль в сохранении ислама. Кроме него в архивных источниках упоминаются и другие неофициальные имамы в 1960-е гг.: Хамзя Абдулов (1900 г.р.), Ибрагим Миняев (1891 г.р.), получившие образование в медресе Алтар [47]. После смерти Миняева в 1969 г., Айзатуллина и Абдулова в 1973 г., единственным неофициальным имамом остался ученик Айзатуллина – Хусаин Абдрашитов (умер в 1986 г.). Устные источники упоминают имена и других религиозных деятелей позднего советского периода, например, Исмаил Кадиев (он имел большую семью, 13 детей, которых обучал читать Коран), Ибрагим Салихов и др., которых также можно назвать учениками Айзатуллина. Такая преемственность в передаче религиозной традиции способствовала сохранению приверженности населения к исламским обрядам на протяжении длительного времени.

Консолидация сельского сообщества в период перестройки

Все обозначенные явления советского периода характеризуют изолированное, закрытое развитие Белозерья, когда власть не хотела или не могла вмешиваться в жизнь сельского сообщества. Село не было затронуто ни урбанизационными переворотами, особенно характерными для двух последних десятилетий советской эпохи, ни миграцией с целью смены места жительства. На фоне развала колхоза и развития семейного предпринимательства это способствовало формированию уникального замкнутого сельского сообщества, развивавшегося в рамках собственной экономической и социальной модели, автономной от государства.

Социально-экономические последствия перестройки не могли не усилить самостоятельность общины. Индивидуальное предпринимательство приобрело настолько большой размах, что власть уже совершенно не контролировала ситуацию. В 1987 г. в газете «Советская Мордовия» вышла статья «Есть ли управа на спекулянта?», специально посвященная ситуации в Белозерье, где журналист показал бессилие власти, когда правоохранительные органы не могли найти признаки спекуляции [18]. В этой же статье описывается и сложившаяся ситуация с образованием, которая подтверждается и устными источниками. Типичная картина села того времени – полупустые классы школы.

Другим маркером, свидетельствующим об усилении автономности сельского общества в 1980-е гг., стала кампания по строительству мечети. Благополучие, независимость и приверженность религиозным обрядам на протяжении всего советского периода – эти факторы позволили бросить вызов советской власти. Первое обращение по этому вопросу поступило в Ромодановский райисполком еще в 1983 г. Он оставил этот вопрос на усмотрение колхоза, и в июне 1983 г. общее собрание колхозников решило выделить землю для мечети [10, л.81]. Однако районная власть, которая закрывала глаза на многие социально-экономические явления в Белозерье, показала, что не допустит ослабления контроля в общественно-политической сфере. Отказ райисполкома четко следовал «генеральной линии» о религиозной ситуации в республике: Уполномоченный СДРК в справке от 1 июня 1983 г. отмечал, что в ряде сел действуют небольшие группы мусульман, но они не ставят вопрос о регистрации обществ [8, л.73].

Новая кампания началась уже после перестройки. В июле 1987 г. та же инициативная группа обратилась с просьбой в Совет по делам религий и к его Уполномоченному по Мордовской АССР. Однако вопрос был вновь отправлен на рассмотрение в райисполком, где был отклонен [9, л.26].

После этого обращения усилилось давление на активистов, которых заставляли отказываться от своих подписей. Нажим был и со стороны прессы. В той же статье в газете «Советская Мордовия» задача корреспондента была в том, чтобы показать связь между экономической и общественно-политической ситуацией: «Председатель колхоза Р.А. Салихов ума

не приложит, как укрепить трудовую дисциплину в хозяйстве, как сделать его высокорентабельным, а группа бездельников заболела идеей: построить мечеть в селе» [18].

Позиция власти не остановила верующих и в течение 1988 г. жители дважды обратились в различные ведомства [10, л.79–80]. Лишь после этого Совет Министров Мордовской АССР удовлетворил просьбу верующих. В 1989 г. на средства жителей была построена первая в советской Мордовии мечеть. Двухэтажная, кирпичная мечеть стала называться «Центральная».

Конец советской власти и усиление роли ислама

Начало постсоветского периода было ознаменовано изменением экономических отношений в России. В большинстве случаев колхозы остались в рамках новой рыночной системы и в структуре администрации сел, что позволяло сохранять прежние социально-экономические связи. Но в случае с Белозерьем произошел окончательный переход от колхозной системы к автономному существованию общины. В начале 1990-х гг. колхоз «40 лет Октября» распался, а деятельность создававшихся в селе в разное время частных акционерных обществ не была успешной. Разрушение государственного аграрного сектора не оказало особого негативного влияния на положение жителей села. Большинство населения было по-прежнему включено в предпринимательство. Таким образом, экономический переход был лишь формальным признанием сложившихся в советском Белозерье особенностей.

Однако в общественной жизни села произошли серьезные изменения. В целом, в Мордовии в конце 1980-х – начале 1990-х гг. в этноконфессиональной сфере проходили аналогичные общероссийским процессы «исламского возрождения». Однако в Белозерье они не ограничились лишь внешней институционализацией: постепенно ислам стал основой регулирования общественной жизни села.

Основную массу верующих составляло старшее поколение, которое инициировало строительство первой мечети в Белозерье. Власть характеризовала этих лиц как не работающих в колхозе и судимых за спекуляцию [18]. Но анализ списка подписавшихся 49 человек показал, что они не работали в колхозе, потому что все были пенсионерами. Именно эти люди стали основой «исламского возрождения» конца 1980-х – начала 1990-х гг. Среди них, например, можно выделить религиозного деятеля Исмаила Кадиева и сына уже упоминавшегося имама Хамзи Айзатуллина – Абдулкарима, который, несмотря на отсутствие религиозного образования, также считался одним из авторитетных знатоков ислама, получившим знания от отца, и был избран имамом Центральной мечети.

Эта мечеть долгое время оставалась единственной в селе. В середине 1990-х гг. возник вопрос о строительстве новой мечети. При этом он стал отражением начавшегося раскола общества. Инициатором ее строительст-

ва выступил выходец из семьи Кадиевых, сын Исмаила Кадиева – Абдулхак (1936 г.р.)¹. Не найдя поддержки в лице имама Абдулкарима, который не видел необходимости в новом здании, Абдулхак в 1994 г. организовал строительство небольшой мечети на улице Рабочей (впоследствии мечеть «Аль-Раджаб»), где сам стал имамом.

Сначала мечеть посещали, в основном, многочисленные родственники из большой семьи Кадиевых. Но, несмотря на один возраст с Абдулкаримом Айзатуллиным и факт, что обоих можно считать учениками Хамзы Айзатуллина, Абдулхаку Кадиеву удалось привлечь на занятия в мечети много верующей молодежи. Постепенно сложилась ситуация, когда Центральная мечеть стала центром для старшего поколения, а во второй мечети, в основном, собирались люди среднего и молодого возраста.

Такое разделение на «старых» («традиционных») и «молодых» («новых») мусульман очень условно. Это явление многосложно и отражает влияние различных факторов. Очевидно, например, что при строительстве новой мечети играли роль личные амбиции сторон (религиозных деятелей, предпринимателей). Также, кроме возраста, значение имели родственные связи, авторитет имамов, территориальная близость мечети.

Одним из важных факторов, конечно, были разногласия по обрядовой стороне ислама. Современные исследователи полагают, что «возникновение второй группы мусульман было связано с активной деятельностью молодых мусульман, получивших образование в медресе и обусловивших новое направление ислама с опорой на теологию Ближнего Востока» [29, с.199].

Достаточно много жителей Белозерья в 1990-е гг. обучались в медресе, а затем стали имамами в мечетях или возглавили высшие мусульманские структуры Мордовии. Тем самым они оказали непосредственное влияние на развитие ислама. Например, в начале 1990-х гг. в медресе при Закабанной мечети в Казани учился Касим Кадиев (один из сыновей Исмаила Кадиева). В середине 1990-х гг. новая волна шакирдов была более многочисленной. Кроме Казани, эти шакирды учились в медресе «Йолдыз» г. Набережные Челны (Татарстан), «Аль-Фуркан» г. Бугуруслана (Оренбургская область), в Саудовской Аравии [17]. Среди них, например, были Камиль Бадретдинов (в последующем – заместитель муфтия), Наиль Кадиев (сын Касима Кадиева) и оба муфтия Духовного управления мусульман Республики Мордовия (ДУМ РМ) – Рашит Халиков (медресе «Аль-Фуркан», 1995–1999 гг.) и Абдулкарим Абдрашитов (медресе «Мухаммадия» (г. Казань, 1996–1998 гг.), Российский исламский университет (г. Казань, с 1998 г.)).

Молодежь повлияла на формирование новой группы верующих, которые активно читали религиозную литературу, в том числе и на арабском языке, и противопоставляли себя по уровню знаний поколению советских верующих. В отличие от пожилых людей, знания которых сводились, в

---

¹ В 1993 г. он стал первым хаджи из Мордовии.

основном, к обрядовой стороне ислама, представители нового поколения мусульман могли разъяснять населению и более сложные вопросы. На этом фоне появились религиозные дискуссии под влиянием первых выпускников медресе, не принявших некоторые религиозные обряды, исполняемые старшим поколением [26, с.300]. Среди них можно отметить, например, отношение к поминанию умерших. «Молодые» мусульмане не принимали и осуждали обязательность поминок. Резкой критике подвергался так называемый «скат» – обряд, когда ритуальной многократной передачей из рук в руки некоей суммы денег как бы компенсируются все несовершенные намазы и посты покойника – имевший место во многих селах Мордовии, хотя в Белозерье не практикуемый.

Эти дискуссии, например, открыто проявились при посещении села муфтием Талгатом Тажутдином в мае 1998 г. Отвечая на вопросы жителей, он объяснил нелепость «ската», но высказался за то, что традиция поминок не противоречит Корану. Также, отвечая на вопрос «Почему во время пятничного намаза Карим и его приверженцы совершают так много ракаатов?», он пояснил, что пятничный намаз заменяет полуденный намаз, а не присоединяется к нему, и что те ракааты, которые не являются обязательными, можно совершить как в мечети, так и дома [3].

К концу 1990-х гг. конфликт в мусульманской общине углубился. Со стороны «старых» мусульман начали звучать обвинения в «ваххабизме» по отношению к «молодым». Длинная борода, отсутствие усов, закрученные штанины и др. – все это стало олицетворять «ваххабитов» в Белозерье. Использовались и более яркие маркеры: говорилось о якобы выносе покойников в окно, сжигании фотографий, отсутствии мебели в доме и др. Это не всегда отражало действительность, но сознательно использовалось для противопоставления «другим».

Радикальный ислам

Еще больший раскол в мусульманской общине произошел с появлением в Белозерье третьего направления ислама. Оно было связано с деятельностью радикально настроенной молодежи под руководством некоего Олега Марушкина, приехавшего из Астраханской области.

Его появление стало следствием, с одной стороны, продолжающегося процесса усиления роли ислама, с другой – спецификой социально-экономического развития села в конце 1990-х гг. Деловые связи белозерьевцев распространялись на большую часть России и на юге выходили на Астраханскую область. Там состоялось знакомство некоторых бизнесменов из Белозерья с деятельностью так называемого джамаата Айюба Омарова (Астраханского)¹. Привлеченные проповедями Айюба белозерьевцы приг-

---

¹ Мусульманская община Айюба Омарова была создана в 1990 г. В результате активных действий государства и ряда религиозных организаций против ее деятельности, признанной «экстремистской» («ваххабитской»), в 1999–2000 гг. она перестала существовать [31, с.436].

ласили в село в июле 1997 г. одного из его «эмиссаров» – Олега Марушкина, русского по национальности, принявшего имя Абузар.

Поселившись в Белозерье, Абузар занялся проповеднической деятельностью. Он собрал вокруг себя несколько верующих, призвал их выйти из общины и не ходить в мечеть, т.к. она построена на «грязные» деньги. Постепенно круг его сторонников увеличился, и в деятельность группы была вовлечена значительная часть сельской молодежи, около 30–40 семей. К нему присоединились мусульмане не только Белозерья, но и из соседних татарских сел Аксеново и Инят.

Новая община состояла, в основном, из молодых людей. «Эмиссар» требовал беспрекословного подчинения всех членов группы – «джамаата». Абузар проповедовал аскетизм, в «джамаате» практиковалось братство и взаимопомощь. Религиозные обряды члены общины проводили в частном доме, где не было мебели, бытовой техники. По отношению к другим мусульманам практиковались крайние формы ненависти, вплоть до такфира, заявлялось о необходимости разрушить старые мечети как «грязные».

Говоря о причинах «успеха» Абузара, необходимо отметить, что исследование его деятельности затруднено крайней ограниченностью источников. В ходе полевого исследования в Белозерье не было выявлено каких-либо релевантных документальных источников, а также не удалось выявить бывших членов «джамаата». Однако, сопоставление некоторых интервью с очевидцами событий и ряда публикаций [4; 20; 29, с.199; 37; 57] позволяет говорить о социальном контексте этого явления.

На развитие общины оказала влияние та ситуация, которая сложилась в новых условиях. Как было указано ранее, в селе было большое количество религиозных людей, знания которых сводились лишь к обрядовой стороне ислама. Для неискушенных религиозной догматикой жителей лидер «джамаата», свободно цитировавший аяты и хадисы, выглядел привлекательнее, чем престарелые имамы. К тому времени не было и своих молодых имамов, которые еще только учились в медресе. Большую роль играли общие социально-экономические условия. Кроме того, необходимо учитывать слабость местной администрации и невмешательство на этом этапе республиканской власти. Также нельзя исключать и влияние зарубежного фактора. По данным СМИ, Абузар имел постоянные контакты с различными организациями Ближнего Востока, откуда и поступали для его общины средства [37].

В то же время деятельность «джамаата» вызвала негативную реакцию со стороны большинства населения Белозерья. Недовольство выражали «традиционные» мусульмане, которые были обеспокоены как усилившимся влиянием «молодых» верующих, так и радикализацией части села. В основном, они апеллировали к власти и собирали подписи с требованием выселить Абузара из села. С другой стороны, к «борьбе» подключились и учащиеся медресе. Приезжающие на каникулы шакирды и иногда их учителя из медресе объясняли населению несостоятельность взглядов пропо-

ведника, ошибки в применении норм ислама. После такого нажима населения, а затем и подключившихся правоохранительных органов, «эмиссар» с его наиболее близкими соратниками уехал в апреле 1998 г., а «джамаат» распался.

В целом, нет единого мнения о влиянии этой радикальной группы на религиозную ситуацию в Белозерье. Устные материалы показывают, что часть населения, особенно старшее поколение мусульман, отождествляют последователей Абузара и представителей нового поколения мусульман, называя всех «ваххабитами». Очевидно, что этого же придерживаются некоторые исследователи. Например, Н. Шилов отмечает, что распространение «ваххабизма» не завершилось с отъездом Абузара. Он насчитал около 200 последователей, которые селятся на одной улице, ведут агитацию среди мусульман, соблюдают здоровый образа жизни, читают религиозную литературу [57, с.10–12]. Наблюдения, очевидно, основаны на материалах республиканских СМИ.

Попытка дистанцироваться от определения «ваххабизм» в отношении взглядов Абузара и, в целом, в отношении конфессиональной ситуации в Мордовии, была предпринята лишь в конце «нулевых» годов представителями ДУМ РМ. Так, М. Салимов охарактеризовал последователей Абузара как секту последователей такфира, близкой по своей идеологии к хариджитам [29, с.199].

Углубление раскола

Несмотря на эпизодичность радикального направления ислама в Белозерье, оно все же имело свое влияние на последующее развитие села. Разобщенность мусульман была еще более усугублена. Разделение вновь проявилось при организации религиозных обществ. В течение 1998–1999 гг. в Белозерье были построены три мечети. Если в обществе мечети «Шабан» был найден компромисс между «старыми» и «молодыми», то в двух других мечетях конфликт обернулся созданием параллельных общин.

Так, мечеть на улице Советской была построена на общие средства местных жителей. Однако определение имама вызвало серьезные споры. Здесь по-прежнему играли роль те же факторы, что и при организации общества «Аль-Раджаб» в 1994 г. Непримиримость сторон привела к образованию двух религиозных обществ – «Салават» и «Рамазан» при одной мечети, которую общины поделили по этажам. При этом на разных этажах оказываются представители одной семьи. Также два общества находятся в мечети на улице Молодежная – «Дуслык» и «Аль-Фуркан», хотя здесь конфликт проявился позже и был связан с личным конфликтом двух имамов одного общества, один из которых образовал свою общину. В 2000-е гг. разделение мусульман на две группы сохранялось, но оно не выливалось в публичное противостояние. Религиозные споры постепенно прекратились, и существование двух общин в одной мечети уже воспринималось жителями спокойно,

хотя все признают, что, например, проводить пятничный намаз отдельно – это неправильно.

После создания духовных управлений мусульман Мордовии раскол в Белозерье принял более организационную форму. Вопрос о необходимости создания муфтията поднимался общественностью республики еще с начала 1990-х гг., но попытки учредить единый институт натолкнулись на разногласия, связанные с вопросом об ориентации на разные центры – Центральное духовное управление мусульман (ЦДУМ) или Духовное управление мусульман Европейской части России (ДУМЕР).

В мае 1998 г. состоялся первый визит муфтия Талгата Таджутдина в Мордовию при поддержке республиканской власти. Очевидно, что кроме решения вопроса о создании муфтията, его приезд планировался с целью стабилизировать обстановку в Белозерье, в том числе, и после деятельности уже покинувшего село Абузара. Однако представители Таджутдина только в ноябре 2000 г. провели в Белозерье учредительный съезд Регионального Духовного управления мусульман Республики Мордовия (РДУМ РМ). Муфтием был избран сын имама Абдулкарима – Заки Айзатуллин (1964 г.р.). В Белозерье находится и постоянно действующий орган РДУМ РМ – Совет муфтия. Практически одновременно, в ноябре 2000 г., был создан еще один муфтият – ДУМ РМ под управлением ДУМЕР. В 2001–2011 гг. его возглавлял также выходец из Белозерья – Рашит Халиков (1968 г.р.). С этого времени религиозные общества Белозерья входят в разные муфтияты¹.

В одной из своих статей М.Салимов, представляющий точку зрения ДУМ РМ, указал, что опорой двух муфтиятов являются разные социальные слои. По его мнению, основой РДУМ РМ являются традиционные мусульманские общины постсоветского периода, объединяющиеся вокруг имамов-старейшин. Особенностью же общин, входящих в ДУМ РМ, стала их религиозная и социальная активность, обусловленная более разнообразным составом их руководителей, включающих в себя шакирдов (студентов) и выпускников российских и зарубежных медресе; пенсионеров, как правило, имеющих большой опыт административной или хозяйственной деятельности (бывших профсоюзных лидеров, работников торговли, и т.п.); а также частных предпринимателей [26, с.298–301].

Несмотря на то, что он высказался в целом о ситуации в Мордовии, его характеристика применима и для Белозерья. В состав РДУМ РМ входят 3 «традиционных» религиозных общества села – Центральная мечеть,

---

¹ В 1996–1997 гг. существовало первое Духовное управление мусульман («Саранский муфтият»), относящееся к ЦДУМ. Однако его регистрация была отменена из-за нарушений в подготовке документации к регистрации. В 2008 г. был создан третий муфтият Мордовии. Однако его опорой пока считаются лишь несколько общин, что не позволяет говорить о каком-либо серьезном влиянии на ситуацию в республике.

«Салават», «Дуслык», в то время как ДУМ РМ объединяет 6 других обществ Белозерья – «Аль-Раджаб», «Рамазан», «Аль-Фуркан», «Шабан», «Мухаррам» (2001), «Тауба» (2003).

2000-е гг.: к мусульманской общине?

В 2000-е гг. процессы усиления роли ислама в общественной жизни Белозерья продолжились. Тогда появился ряд информационных материалов, представляющих Белозерье «исламским государством» [19; 21; 37]. Но если отбросить наиболее крайние сюжеты, в целом публикации показывают степень, которую ислам играл в повседневной жизни: закрытая одежда женщин, большое количество молящихся в мечетях, отсутствие алкоголя. О влиянии исламских этических норм говорит факт преодоления некоторых социальных проблем. В начале 2000-х гг. повторились случаи похищений девушек, которые перестали ходить в школу [19; 21]. Большинство населения осудило этот обычай как проявление религиозного невежества, а муфтияты подписали в 2002 г. совместное заявление, запрещающее проводить никах, если над девушкой совершалось насилие [13, с.146].

Белозерье на протяжении двух последних десятилетий отличалось постоянным демографическим ростом. К 2009 г. его население достигло почти 3000 человек, а ежегодный прирост составляет 30–40 человек [1].

Основу экономической независимости Белозерья по-прежнему составляет предпринимательство. В селе несколько предприятий (семейных) по переработке семечек, в которых работают как местные жители, так и наемные рабочие из других сел; представлены и другие виды малого бизнеса: бензоколонки, автомойки, автосервисы, колбасный цех и др. Все это позволяет населению самостоятельно поддерживать коммунальную инфраструктуру села (дороги, газ, вода). Кроме этого, жители финансируют и некоторые социальные проекты. Например, построены два ледовых катка (в районе их всего пять), где кроме детей тренируется взрослая хоккейная команда – единственная сельская команда, играющая в чемпионате Мордовии.

Внешние маркеры позволяют четко определить исламский образ жизни села. Большинство жителей выполняют пятикратный намаз, соблюдают пост, предписания в отношении еды. В селе отсутствует торговля спиртными напитками. Большое значение придается мусульманским праздникам. При этом светские праздники практически игнорируются. Например, в селе не проводится праздник Сабантуй, распространенный в других татарских селах Мордовии. Характерно, что в информации Мордовского обкома о ходе выполнения постановления ЦК КПСС «Об усилении борьбы с влиянием ислама» именно возрождение и широкое распространение праздника Сабантуй в татарских селах Мордовии являлось одним из инструментов антирелигиозной политики. В Белозерье часто проводятся религиозные мероприятия (конкурсы, молодежные лагеря и др.) как в обществах при мечетях, так и республиканского масштаба. Все это позволяет говорить о складывании в Белозерье собственной модели сель-

ской общины, построенной на принципах ислама и автономности от государства. В том числе и исламские лидеры Мордовии продвигают этот образ села через СМИ, одновременно пытаясь развенчать миф о «ваххабитском» Белозерье [38].

Однако этот образ нельзя абсолютизировать. Например, автономность общины от государства относительна. Несмотря на то, что усиление религиозного фактора привело к перестановке в социальных иерархиях, очевидно, что существует определенный баланс между исламской и светской властями. Сельский совет обслуживает бюджетные сферы (образование, медицина). Конечно, муниципалитет ограничен низкими поступлениями в бюджет и дотируется республикой. Из-за этого многие социальные проблемы Белозерья остаются по-прежнему нерешенными: маленькая школа, отсутствие детского сада (при наличии более 500 школьников и 370 детей дошкольного возраста) и больницы. Однако, религиозные лидеры видят решение этих проблем только при участии государства [38].

Сотрудничество с властью позволяет избегать слишком частых обвинений в исламском радикализме. Это стало актуально с середины 2000-х гг. после скандалов, связанных с причастием ДУМ РМ к исламской библиотеке медресе «Аль-Фуркан» в Бугуруслане, закрытого в 2004 г. на волне борьбы с «ваххабизмом». В 2008 г. запрещенная «экстремистская» литература была изъята и в Белозерье, в религиозных обществах «Аль-Раджаб», «Тауба» и «Шабан» [33]. Таким образом, государство обозначает свое присутствие в религиозной сфере. Представители республиканских силовых структур не раз отмечали, что контроль над селом усилился после 1990-х гг., когда в селе действовала своя власть, игнорирующая российские законы, а сейчас ситуация контролируется [32; 35].

Конечно, роль религиозных лидеров в Белозерье значительно выросла. В основном, их влияние осуществляется на уровне муфтиев, авторитет которых в селе очень высок. Но на уровне отдельных обществ трансформация иерархий не так заметна. Имамы еще не выполняют функции религиозных лидеров в своих общинах: в обществах РДУМ РМ это пожилые люди 60–70 лет, без религиозного образования; в обществах ДУМ РМ, наоборот, имамами являются молодые люди, некоторые из которых еще не закончили учебу в медресе. В этом контексте очевидна нехватка учреждений мусульманского образования. Из-за несогласованности в этом вопросе между муфтиятами и республиканской властью все проекты создания медресе в Белозерье и, в целом, в Мордовии не были реализованы [13].

Заключение

Исламское возрождение в Белозерье было обусловлено разными, но взаимосвязанными факторами. Не исключая сохранение ислама в советское время и роль внешних воздействий в постсоветский период, необходимо отметить влияние социально-экономических условий и, в то же время, их связь с первыми двумя факторами.

Особенность социально-экономического развития Белозерья по сравнению с другими селами сложилась в советский период. Поразительна изоляция села от процессов советской модернизации. В 1920–1950-е гг. Белозерье формально было частью процессов советского строительства. Институты мусульманской общины были уничтожены, их заменили сельская администрация и коллективное хозяйство. Однако установление новых форм политической и экономической администрации были лишь внешним проявлением «советизации». Очевидно, что фактически это мало затронуло сложившиеся общественные отношения.

В следующий период, в 1960–1980-е гг., Белозерье окончательно выпало из проекта модернизации. Небольшой колхоз постепенно приходил в упадок и не играл серьезной роли в развитии села. Одновременно в селе складывались формы частного предпринимательства, которые позволили нивелировать последствия падения государственной экономики. Также с 1960-х гг. история села характеризуется постоянным демографическим ростом и отсутствием миграционных процессов. Все это способствовало формированию собственной социально-экономической модели, основанной на приоритете семейно-родственных отношений и автономности от государства. Характерным признаком изоляции этого периода был ряд негативных социальных явлений, которые практически не контролировались государственной властью.

В этих же условиях сохранялись религиозные практики населения. Относительная автономия и отсутствие строгого государственного контроля способствовали сохранению исламской идентичности, а в конце советского периода – выходу ее в общественное пространство. Начало постсоветского периода характеризуется, в основном, преемственностью многих советских явлений: отсутствие государственного регулирования экономики и слабость местной власти, развитый семейный бизнес и самостоятельное решение социальных вопросов. Эти факторы, в свою очередь, способствовали дальнейшему распространению исламских идей и практик в общественной жизни.

В то же самое время на исламское возрождение постсоветского периода оказали влияние и внешние факторы. Коммерческая сеть сельских предпринимателей способствовала расширению контактов с мусульманами из других регионов, в том числе, через образовательные каналы. Студенты, обучавшиеся в различных медресе России и зарубежья, обусловили формирование нового поколения мусульман и укрепление роли ислама. Однако те же обстоятельства способствовали появлению в Белозерье небольшой радикальной группы. Многие указанные явления (пост)советского периодов сохранялись и в 2000-е гг. Все это привело к формированию в Белозерье особой модели социально-экономических отношений, в большой степени основанной на исламских ценностях и частичной автономности от государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архив Белозерьевского сельского совета. Информация по территории Белозерьевского сельского поселения. 2009 г.
2. Асабин И.Ю. Общественно-политическое, экономическое и социокультурное развитие Мордовии середины 1960-х – первой половины 1980-х гг.: Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Самара, 2009.
3. Биккинин И. Внезапный визит // Татарская газета. 1998, 28 июня.
4. Биккинин И. Исламский фундаментализм в Мордовии? // Татарская газета. 1998, 27 мая.
5. Браславский Л.Ю. Ислам в Чувашии. Чебоксары: Издательство «Чувашия», 1997. 159 с.
6. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р–6991 (Совет по делам религиозных культов при Совете Министров СССР). Оп. 3. Д. 572 (Материалы о работе Уполномоченного Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР по Мордовской АССР, 1946–1948 гг.).
7. ГАРФ. Ф. Р–6991. Оп. 3. Д. 575 (Материалы о работе Уполномоченного Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР по Мордовской АССР, 1955 г.).
8. ГАРФ. Ф. Р–6991. Оп. 6. Д. 2551 (Отчеты, справки, информации и переписка с уполномоченными Совета по вопросам деятельности религиозных организаций в Мордовской АССР, 1983 г.).
9. ГАРФ. Ф. Р–6991. Оп. 6. Д. 3455 (Отчеты, справки, информации и переписка с уполномоченными Совета по вопросам деятельности религиозных организаций в Мордовской и Северо-Осетинской АССР, 1987 г.).
10. ГАРФ. Ф. Р–6991. Оп. 6. Д. 3705 (Отчеты, справки, информации и переписка с уполномоченными Совета по вопросам деятельности религиозных организаций в Марийской, Мордовской, Нахичеванской АССР, 1988 г.).
11. Гусева Ю.Н. Ислам в Самарской области. Москва: Логос, 2007. 112 с.
12. Гусева Ю.Н. История татарских сельских общин Нижегородской области в XX веке (1901–1985 гг.). Нижний Новгород: Издательство ННГУ, 2003. 256 с.
13. Девятаев А.С. Ислам в Республике Мордовия в 1990-е гг. – начале 2000-х гг. (социокультурный и этнополитический аспекты развития): Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Саранск, 2010.
14. Задкова Т.Ю. Колхозная деревня Мордовии в середине 1950-х – первой половине 1960-х гг.: Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Саранск, 2005.
15. Кильдюшкина И.Г. Социально-экономическое развитие Мордовии (вторая половина 1980-х – середина 1990-х гг.): Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Саранск, 2004.
16. Королева Л.А., Королев А.А. Мусульманские общины Пензенской области во второй половине 1940–1980-е гг. // Общество и личность: историко-правовые аспекты взаимодействия. Пенза: ПФ МОСУ, 2004. С. 69–74.
17. Косач Г.Г. Оренбургская область: региональный аспект постсоветского развития российского мусульманского сообщества // Pax Islamica. 2009. № 1. С. 162–198.

18. Лукин В. Есть ли управа на спекулянта? // Советская Мордовия. 1987, 1 сентября.
19. Мамедова М. Белозерские пленницы. URL: www.trud.ru/article/14-06-2002/41853_belozerskie_plennitsy.html (дата обращения: 4.03.2012).
20. Мартыненко А.В. Село Белозерье как социокультурный феномен // Власть и крестьянский социум Среднего Поволжья в исторической ретроспективе: межвузовский сборник научных статей / Под ред. Надькина Т.Д. Саранск, 2009. С. 179–184.
21. Мухамедьярова Л. Дети подсолнуха. URL: www.novayagazeta.ru/society/15879.html. (дата обращения: 4.03.2012).
22. Мухаметшин Р.М. Татары и ислам в XX веке (Ислам в общественной и политической жизни татар и Татарстана). Казань: Издательство «Фэн», 2003. 303 с.
23. Надькин Т.Д. Сталинская аграрная революция и крестьянство (на материалах Мордовии). Саранск: Издательский дом «Курьер-С», 2006.
24. Надькин Т.Д., Юсупов Р.Р. Коллективизация татар-мишарей Мордовии в начале 1930-х гг. // Власть и крестьянский социум Среднего Поволжья в исторической ретроспективе: межвузовский сборник научных статей / Под ред. Надькина Т.Д. Саранск, 2009. С. 108–112.
25. Сагитова Л.В. Региональные и локальные аспекты ислама в Поволжье: социальные основания различия // Конфессиональный фактор в развитии татар. Казань, 2009. С. 125–162.
26. Салимов М.Ш. Процесс формирования централизованных мусульманских организаций в Республике Мордовия // Социально-демографические проблемы Поволжья в этническом измерении. Саранск, 2007. С. 293–301.
27. Салимов М.Ш., Макаров Д. Алтары // Ислам в Центрально-Европейской части России: Энциклопедический словарь. М.: Издательский дом «Медина», 2009. С. 18.
28. Салимов М.Ш., Макаров Д. Белозерье // Ислам в Центрально-Европейской части России: Энциклопедический словарь. М.: Издательский дом «Медина», 2009. С. 44.
29. Салимов М.Ш., Макаров Д. Мусульманская община Мордовии в XX в. // Ислам в Центрально-Европейской части России: Энциклопедический словарь. М.: Издательский дом «Медина», 2009. С. 198–200.
30. Семенов В.В. Ислам в Саратовской области. М.: Логос, 2007. 113 с.
31. Силантьев Р. Новейшая история ислама в России. М.: Алгоритм, 2007. 576 с.
32. Столица С. 2007, 18 декабря.
33. Столица С. 2008, 22 мая.
34. Столица С. 2008, 7 июля.
35. Столица С. 2008, 27 октября.
36. Столица С. 2011, 11 августа.
37. Телин И. В Мордовии есть свои ваххабиты. URL: www.pravda.ru/news/world/03-07-2000/908626-0/ (дата обращения: 4.03.2012).
38. Халиков Р. Белозерье – пример для подражания // Ислам в Мордовии. 2010, 3 декабря.
39. Центральный государственный архив Республики Мордовия (далее – ЦГАРМ). Ф. 76-П (Ромодановский райком партии). Оп. 1. Д. 11 (Протоколы и

- выписки из протоколов бюро РК ВКП (б), докладные записки о состоянии партийной работы, о ходе коллективизации в районе, 1929–1933 гг.).
40. ЦГАРМ. Ф. Р–234 (Президиум Верховного Совета Мордовской АССР). Оп. 4. Д. 216 (Проект Указа Президиума Верховного Совета Мордовской АССР о закрытии мечети в селе Белозерье Лямбирского района, 14–19 декабря 1940 г.).
41. ЦГАРМ. Ф. Р–662 (Мордовское республиканское управление статистики). Оп. 27. Д. 2804 (Годовые отчеты колхозов, 1965 г.).
42. ЦГАРМ. Ф. Р–662. Оп. 37. Д. 2439 (Годовые отчеты колхозов, 1980 г.).
43. ЦГАРМ. Ф. Р–662. Оп. 37. Д. 2821 (Списки населенных пунктов МАССР на 1 января 1980 г.).
44. ЦГАРМ. Ф. Р–662. Оп. 38. Д. 49 (Годовые отчеты колхозов, 1985 г.).
45. ЦГАРМ. Ф. Р–662. Оп. 38. Д. 968 (Списки населенных пунктов МАССР на 1 января 1985 г.).
46. ЦГАРМ. Ф. Р–662. Оп. 40. Д. 2373 (Единовременный отчет о половом и возрастном составе сельского населения, 1990 г.).
47. ЦГАРМ. Ф. Р–1055 (Ромодановский Совет депутатов и исполком). Оп. 1. Д. 416. Материалы по вопросам религиозных культов, 1964–1971 гг.
48. ЦГАРМ. Ф. Р–1233 (Инспектура государственной статистики Ромодановского района). Оп. 1. Д. 152 (Годовые отчеты о половом и возрастном составе сельского населения, 1964 г.).
49. ЦГАРМ. Ф. Р–1233. Оп. 1. Д. 267 (Годовые отчеты о половом и возрастном составе сельского населения, 1973 г.).
50. ЦГАРМ. Ф. Р–1594 (Лямбирский районный Совет депутатов). Оп. 1. Д. 18 (Документы о ходе коллективизации и раскулачивании крестьянских хозяйств в районе, 1935 г.).
51. ЦГАРМ. Ф. Р–1594. Оп. 1. Д. 36 (Документы по вопросам религиозных культов, 1936 г.).
52. ЦГАРМ. Ф. Р–1594. Оп. 1. Д. 56 (Списки населенных пунктов района с указанием численности населения и хозяйств (материалы предварительного учета населения, подготовленные ко Всесоюзной переписи населения 1939 г.), 1938 г.).
53. ЦГАРМ. Ф. Р–1594. Оп. 1. Д. 81 (Документы о закрытии мечети в с. Белозерье и Черемешево, 1940 г.).
54. ЦГАРМ. Ф. Р–1597 (Лямбирская районная инспектура народно-хозяйственного учета при Лямбирском исполкоме). Оп. 1. Д. 11 (Единовременный отчет о возрастном и половом составе сельского населения, 1947 г.).
55. ЦГАРМ. Ф. Р–1597. Оп. 1. Д. 39 (Единовременные отчеты сельсоветов о возрастном и половом составе сельского населения Лямбирского района, 1954 г.).
56. ЦГАРМ. Ф. Р–2488 (Колхоз «Янга Турмыш»). Оп. 1. Д. 8 (Годовой отчет колхоза, 1950 г.).
57. Шилов Н. Село Белозерье как этноконфессиональный феномен // Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. 2001, 16–31 мая. С. 10–12.
58. Якупов В. Ислам в Татарстане в 1990-е годы. Казань: Иман, 2005. 144 с.
59. Юмаева Г. Изге көшеләр // Татарская газета. 1999, 4 августа.
60. Minnullin I. Sun Flower and Moon Crescent: Soviet and Post-Soviet Islamic Revival in a Tatar Village of Mordovia // Allah's Kolkhozes. Migration, De-Stalinisation, Privatisation and the New Muslim Congregations in the Soviet Realm (1950s–2000s) / Stephane A. Dudoignon, Christian Noack (eds). – ISLAM-

KUNDLICHE UNTERSUCHUNGEN BAND 314. Berlin: Klaus Schwarz, 2014. P. 421–453.

61. Sagitova L. Traditionalism, Modernism and Globalisation among the Volga Muslims: The Case of Sredniaia Eliuzan // Allah's Kolkhozes. Migration, De-Stalinisation, Privatisation and the New Muslim Congregations in the Soviet Realm (1950s–2000s) / Stephane A. Dudoignon, Christian Noack (eds). – ISLAM-KUNDLICHE UNTERSUCHUNGEN BAND 314. Berlin: Klaus Schwarz, 2014. P. 454–493.

Сведения об авторе: Миннуллин Ильнур Рафаэлевич – кандидат исторических наук, заместитель директора Института истории им. Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан (420014, Кремль, подъезд 5, Казань, Российская Федерация); i.minnullin@gmail.com.

SOVIET AND POST-SOVIET ISLAMIC REVIVAL IN A TATAR VILLAGE IN MORDOVA

I.R. Minnullin

*Sh.Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
i.minnullin@gmail.com*

The author of this article examines the contemporary Islamization of the Tatar village Beloz'er'e in Mordova in the context of the village's particular socioeconomic development. While Mordova as a whole was characterized by a massive emigration from rural areas in the late Soviet period, the Tatar population of Beloz'er'e continued to grow. Although the kolkhoz declined, regional authorities displayed a surprising lack of concern for Beloz'er'e, which allowed the "shadow" economy to flourish. At the same time, Islam was developing locally without much attempt at institution building.

Nonetheless, the case demonstrates that social differentiation in the wake of private entrepreneurship, and that continued ethnic and confessional isolation and of the non-interference of Soviet authorities left palpable imprints on the course of re-Islamisation after the collapse of the Soviet regime. In the village there are several religious societies, each of which is tied to a muftiate. Also Beloz'er'e has introduced Islamic non-conformism, however, limited only at the end of the 1990s.

Keywords: Beloz'er'e, kolkhoz, Islam, Islamic revival, Mordova, private economy, re-Islamisation, Soviet period, post-Soviet period, Tatars

REFERENCES

1. Arkhiv Beloz'er'evskogo sel'skogo soveta [The Archive of Beloz'er'e's Village Council]. Informatsiya po territorii Beloz'er'evskogo sel'skogo poseleniya (2009 g.) [Information on the Territory of Beloz'er'e Rural Settlement (2009)].

2. Asabin I.Yu. *Obshchestvenno-politicheskoe, ekonomicheskoe i sotsiokul'turnoe razvitie Mordovii serediny 1960-kh – pervoy poloviny 1980-kh gg.* [The Sociopolitical,

Economic and Sociocultural Development of Mordova from the mid-1960s to the early 1980s]. Dissertatsiya na soiskanie uchenoy stepeni kandidata istoricheskikh nauk [Dissertation for Scientific Degree of Candidate of Historical Science]. Samara, 2009.

3. Bikinin I. Vnezapnyy vizit [The Sudden Visit]. *Tatarskaya gazeta – Tatar Gazette*. 1998, June 28.

4. Bikinin I. Islamskiy fundamentalizm v Mordovii? [Islamic Fundamentalism in Mordova?]. *Tatarskaya gazeta – Tatar Gazette*. 1998, May 27.

5. Braslavskiy L.Yu. *Islam v Chuvashii* [Islam in Chuvashia]. Cheboksary, Chuvashia Publ., 1997. 159 p.

6. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF) [State Archive of Russian Federation]. F. R-6991 (Sovet po delam religioznykh kul'tov pri Sovete Ministrov SSSR) [The Council for the Affairs of Religious Cults Under the Council of Ministers of the USSR]. Op. 3. D. 572 (Materialy o rabote Upolnomochennogo Soveta po delam religioznykh kul'tov pri Sovete Ministrov SSSR po Mordovskoy ASSR, 1946–1948 gg.) [Materials of the Commissioner of the Council for the Affairs of Religious Cults Under the Council of Ministers of the USSR for the Mordovan ASSR, 1946–1948].

7. GARF. F. R-6991. Op. 3. D. 575 (Materialy o rabote Upolnomochennogo Soveta po delam religioznykh kul'tov pri Sovete Ministrov SSSR po Mordovskoy ASSR, 1955 g.) [Materials of the Commissioner of the Council for the Affairs of Religious Cults Under the Council of Ministers of the USSR for the Mordovan ASSR, 1955].

8. GARF. F. R-6991. Op. 6. D. 2551 (Otchety, spravki, informatsii i perepiska s upolnomochennymi Soveta po voprosam deyatel'nosti religioznykh organizatsiy v Mordovskoy ASSR, 1983 g.) [Reports, Certificates, Information and Correspondence with Commissioners of the Council on the Activities of Religious Organizations in the Mordovan ASSR, 1983].

9. GARF. F. R-6991. Op. 6. D. 3455 (Otchety, spravki, informatsii i perepiska s upolnomochennymi Soveta po voprosam deyatel'nosti religioznykh organizatsiy v Mordovskoy i Severo-Osetinskoy ASSR, 1987 g.) [Reports, Certificates, Information and Correspondence with Commissioners of the Council on the Activities of Religious Organizations in the Mordovan and North Osetian ASSR, 1987].

10. GARF. F. R-6991. Op. 6. D. 3705 (Otchety, spravki, informatsii i perepiska s upolnomochennymi Soveta po voprosam deyatel'nosti religioznykh organizatsiy v Mariyskoy, Mordovskoy, Nakhichevskoy ASSR, 1988 g.) [Reports, Certificates, Information and Correspondence with Commissioners of the Council on the Activities of Religious Organizations in the Mari, Mordovan and Nakhichevan ASSR, 1988].

11. Guseva Yu.N. *Islam v Samarskoy oblasti* [Islam in the Samara Oblast']. Moscow, Logos Publ., 2007. 112 p.

12. Guseva Yu.N. *Istoriya tatarskikh sel'skikh obshchin Nizhegorodskoy oblasti v XX veke (1901–1985 gg.)* [History of Tatar Rural Communities in Nizhny Novgorod Oblast in the Twentieth Century (1901–1985)]. Nizhny Novgorod, NNGU Publ., 2003. 256 p.

13. Devyataev A.S. *Islam v Respublike Mordoviya v 1990-e gg. – nachale 2000-kh gg. (sotsiokul'turnyy i etnopoliticheskiy aspekty razvitiya)* [Islam in the Republic of Mordova from the 1990s to beginning 2000s (Sociocultural and Ethnopolitical Aspects of Development)]. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoy stepeni kandidata istoricheskikh nauk [Dissertation Abstract for the Degree of Candidate of Historical Science]. Saransk, 2010.

14. Zadkova T.Yu. *Kolkhoznaya derevnya Mordovii v seredine 1950-kh – pervoy polovine 1960-kh gg.* [The Kolkhoz Village of Mordovia from the mid–1950s to the First Half of the 1960s]. Dissertatsiya na soiskanie uchenoy stepeni kandidata istoricheskikh nauk [Dissertation for Scientific Degree of Candidate of Historical Science]. Saransk, 2005.
15. Kil'dyushkina I.G. *Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie Mordovii (vtoraya polovina 1980-kh – seredina 1990-kh gg.)* [Socioeconomic Development of Mordovia (Second Half of the 1980s to the mid–1990s)]. Dissertatsiya na soiskanie uchenoy stepeni kandidata istoricheskikh nauk [Dissertation for Scientific Degree of Candidate of Historical Science]. Saransk, 2004.
16. Koroleva L.A., Korolev A.A. *Musul'manskije obshchiny Penzenskoy oblasti vo vtoroy polovine 1940–1980-e gg.* [Muslim Communities of Penza Oblast from the Second Half of the 1940s – 1980s]. *Obshchestvo i lichnost': istoriko-pravovye aspekty vzaimodeystviya* [Society and Personality: Historical and Legal Aspects of Interaction]. Penza, PF MOSU Publ., 2004, pp. 69–74.
17. Kosach G.G. *Orenburgskaya oblast': regional'nyy aspekt postsovet'skogo razvitiya rossiyskogo musul'manskogo soobshchestva* [Orenburg Oblast: The Regional Aspect of the Development of Russian Muslim Society], *Pax Islamica*, 2009, № 1, pp. 162–198.
18. Lukin V. *Est' li uprava na spekulyanta?* [Is There Justice for the Speculator?]. *Sovetskaya Mordoviya* [Soviet Mordovia]. 1987, September 1.
19. Mamedova M. *Belozerskie plennitsy* [Belozer'e Prisoners]. Available at: www.trud.ru/article/14-06-2002/41853_belozerskie_plennitsy.html (accessed: 4.03.2012).
20. Martynenko A.V. *Selo Belozer'e kak sotsiokul'turnyy fenomen Belozer'e Village as a Sociocultural Phenomenon*. *Vlast' i krest'yanskiy sotsium Srednego Povolzh'ya v istoricheskoy retrospektive: mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh statey*. Pod. red. Nad'kina T.D. [Power and Peasant Society in the Middle Volga Region in Historical Perspective: Inter-University Collection of Scientific Articles. Ed. by T.D. Nad'kin]. Saransk, 2009, pp. 179–184.
21. Mukhamed'yarova L. *Deti podsolnukha* [Sunflower Children]. Available at: www.novayagazeta.ru/society/15879.html (accessed: 4.03.2012).
22. Mukhametshin R.M. *Tatary i islam v XX veke (Islam v obshchestvennoy i politicheskoy zhizni tatar i Tatarstana)* [Tatars and Islam in the Twentieth Century (Islam in the Social and Political Life of Tatars and Tatarstan)]. Kazan, Fen Publ., 2003.
23. Nad'kin T.D. *Stalinskaya agrarnaya revolyutsiya i krest'yanstvo (na materialakh Mordovii)* [Stalin's Agrarian Revolution and the Peasantry (in Mordovan Materials)]. Saransk, Kur'er-S Publ., 2006. 303 p.
24. Nad'kin T.D., Yusupov R.R. *Kollektivizatsiya tatar-misharey Mordovii v nachale 1930-kh gg.* [Collectivization of the Mishar Tatars of Mordovia in the Beginning of the 1930s]. *Vlast' i krest'yanskiy sotsium Srednego Povolzh'ya v istoricheskoy retrospektive: mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh statey*. Pod. red. Nad'kina T.D. [Power and Peasant Society in the Middle Volga Region in Historical Perspective: Inter-University Collection of Scientific Articles. Ed. by T.D. Nad'kin]. Saransk, 2009, pp. 108–112.
25. Sagitova L.V. *Regional'nye i lokal'nye aspekty islama v Povolzh'e: sotsial'nye osnovaniya razlichiya* [Regional and Local Aspects of Islam in the Volga Region: Social Bases for Difference]. *Konfessional'nyy faktor v razvitiitatar* [The Confessional Factor in the Development of Tatars]. Kazan, 2009, pp. 125–162.

26. Salimov M.Sh. Protsess formirovaniya tsentralizovannykh musul'manskikh organizatsiy v Respublike Mordoviya [The Process of Formation of Centralized Muslim Organizations in the Republic of Mordova]. *Sotsial'no-demograficheskie problemy Povolzh'ya v etnicheskom izmerenii* [Sociodemographic Problems of the Volga Region in the Ethnic dimension]. Saransk, 2007, pp. 293–301.
27. Salimov M.Sh., Makarov D. Altary [Altary Village]. *Islam v Tsentral'no-Evropeyskoy chasti Rossii: Entsiklopedicheskiy slovar'* [Islam in the Central European Part of Russia: Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Medina Publ., 2009, p. 18.
28. Salimov M.Sh., Makarov D. Beloz'er'e [Beloz'er'e Village]. *Islam v Tsentral'no-Evropeyskoy chasti Rossii: Entsiklopedicheskiy slovar'* [Islam in the Central European part of Russia: Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Medina Publ., 2009, p. 44.
29. Salimov M.Sh., Makarov D. Musul'manskaya obshchina Mordovii v XX v. [The Muslim Community in Mordova in the Twentieth Century]. *Islam v Tsentral'no-Evropeyskoy chasti Rossii: Entsiklopedicheskiy slovar'* [Islam in the Central European Part of Russia: Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Medina Publ., 2009, pp. 198–200.
30. Semenov V.V. *Islam v Saratovskoy oblasti* [Islam in the Saratov Oblast']. Moscow, Logos Publ., 2007. 113 p.
31. Silant'ev R. *Noveyshaya istoriya islama v Rossii* [The Latest History of Islam in Russia]. Moscow, Algoritm Publ., 2007. 576 p.
32. Stolitsa S. 2007, December 18.
33. Stolitsa S. 2008, May 22.
34. Stolitsa S. 2008, July 7.
35. Stolitsa S. 2008, October 27.
36. Stolitsa S. 2011, August 11.
37. Telin I. V Mordovii est' svoi vakhkhaby [Mordova has its Wahhabis]. Available at: www.pravda.ru/news/world/03-07-2000/908626-0/ (accessed: 4.03.2012).
38. Khalikov R. Beloz'er'e – primer dlya podrazhaniya [Beloz'er'e – an Example to Follow]. *Islam v Mordovii – Islam in Mordova*. 2010, December 3.
39. Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Mordoviya (TsGARM) [Central State Archive of the Republic of Mordova]. F. 76-P (Romodanovskiy raykom partii) [[Romodanovo District Party Committee]. Op. 1. D. 11 (Protokoly i vypiski iz protokolov byuro RK VKP (b), dokladnye zapiski o sostoyanii partiynoy raboty, o khode kollektivizatsii v rayone, 1929–1933 gg.) [Protocols and Extracts from the Protocols of the District Committee Bureau of the CPSU (b), Reports on the State of Party Work, the Progress of Collectivization in the District].
40. TsGARM. F. R–234 (Prezidium Verkhovnogo Soveta Mordovskoy ASSR) [Presidium of the Supreme Council of the Mordovan ASSR]. Op. 4. D. 216 (Proekt Ukaza Prezidiuma Verkhovnogo Soveta Mordovskoy ASSR o zakrytii mecheti v sele Beloz'er'e Lyambirskogo rayona, 14–19 dekabrya 1940 g.) [[Draft Decree of the Presidium of the Supreme Council of the Mordovan ASSR to Close the mosque in Beloz'er'e in the Lyambir' District, December 14–19, 1940].
41. TsGARM. F. R–662 (Mordovskoe respublikanskoe upravlenie statistiki) [Mordova Republican Statistical Office]. Op. 27. D. 2804 (Godovye otchety kolkhozov, 1965 g.) [Annual Reports of the Kolkhozes, 1965].
42. TsGARM. F. R–662. Op. 37. D. 2439 (Godovye otchety kolkhozov, 1980 g.) [Annual Reports of the Kolkhozes, 1980].

43. TsGARM. F. R–662. Op. 37. D. 2821 (Spiski naselennykh punktov MASSR na 1 yanvarya 1980 g.) [Lists of Settlements in the Mordovan ASSR January 1, 1980].
44. TsGARM. F. R–662. Op. 38. D. 49 (Godovye otchety kolkhozov, 1985 g.) [Annual Reports of the Kolkhozes, 1985].
45. TsGARM. F. R–662. Op. 38. D. 968 (Spiski naselennykh punktov MASSR na 1 yanvarya 1985 g.) [Lists of settlements of the Mordovan ASSR January 1, 1985].
46. TsGARM. F. R–662. Op. 40. D. 2373 (Edinovremennyy otchet o polovom i vozrastnom sostave sel'skogo naseleniya, 1990 g.) [One-Time Report on the Sex and Age Composition of the Rural Population, 1990].
47. TsGARM. F. R–1055 (Romodanovskiy Sovet deputatov i ispolkom) [Romodanovo Council of Deputies and Executive Committee]. Op. 1. D. 416 (Materialy po voprosam religioznykh kul'tov, 1964–1971 gg.) [Materials on the Question of Religious Cults, 1964–1971].
48. TsGARM. F. R–1233 (Inspektura gosudarstvennoy statistiki Romodanovskogo rayona) [Inspection of the State Statistics of Romodanovo district]. Op. 1. D. 152 (Godovye otchety o polovom i vozrastnom sostave sel'skogo naseleniya, 1964 g.) [Annual Reports on the Sex and Age Composition of the Rural Population, 1964].
49. TsGARM. F. R–1233. Op. 1. D. 267 (Godovye otchety o polovom i vozrastnom sostave sel'skogo naseleniya, 1973 g.) [Annual Reports on the Sex and Age Composition of the Rural Population, 1973].
50. TsGARM. F. R–1594 (Lyambirskiy rayonnyy Sovet deputatov) [Lyambir' District Council of Deputies]. Op. 1. D. 18 (Dokumenty o khode kollektivizatsii i raskulachivanii krest'yanskikh khozyaystv v rayone, 1935 g.) [Documents on the Progress of Collectivization and the Dispossession of Farms in the District, 1935].
51. TsGARM. F. R–1594. Op. 1. D. 36 (Dokumenty po voprosam religioznykh kul'tov, 1936 g.) [Documents on the Question of Religious Cults, 1936].
52. TsGARM. F. R–1594. Op. 1. D. 56 (Spiski naselennykh punktov rayona s ukazaniem chislennosti naseleniya i khozyaystv (materialy predvaritel'nogo ucheta naseleniya, podgotovlennyye ko Vsesoyuznoy perepisi naseleniya 1939 g.), 1938 g.) [Lists of Settlements in the District Indicating Population and Households (Materials of Preliminary Population Count in Preparation for the All-Union Census in 1939), 1938].
53. TsGARM. F. R–1594. Op. 1. D. 81 (Dokumenty o zakrytii mecheti v s. Beloz'er'e i Cheremishevo, 1940 g.) [Documents about Closing the Mosques in Beloz'er'e and Cheremishevo, 1940].
54. TsGARM. F. R–1597 (Lyambirskaya rayonnaya inspektura narodno-khozyaystvennogo ucheta pri Lyambirskom ispolkome) [Lyambir' District Inspection of the National Economic Accounts Under the Lambir Executive Committee]. Op. 1. D. 11 (Edinovremennyy otchet o vozrastnom i polovom sostave sel'skogo naseleniya, 1947 g.) [One-Time Report on the Sex and Age Composition of the Rural Population, 1947].
55. TsGARM. F. R–1597. Op. 1. D. 39 (Edinovremennyye otchety sel'sovetov o vozrastnom i polovom sostave sel'skogo naseleniya Lyambirskogo rayona, 1954 g.) [One-Time Reports of the Village Soviet on the Sex and Age Composition of Lambir District, 1954].
56. TsGARM. F. R–2488 (Kolkhoz «Yanga Turmysh») [New Life Kolkhoz]. Op. 1. D. 8 (Godovoy otchet kolkhoza, 1950 g.) [Annual Report of the Kolkhoz, 1950].
57. Shilov N. Selo Beloz'er'e kak etnokonfessional'nyy fenomen [Beloz'er'e Village as an Ethno-Confessional Phenomenon]. *Byulleten' Seti etnologicheskogo mo-*

И.Р. Миннуллин. Исламское возрождение в татарской деревне Мордовии...

nitoringa i rannego preduprezhdeniya konfliktov [Bulletin of the Network for Ethnic Monitoring and Early Warning]. 2001, May 16–31, pp. 10–12.

58. Yakupov V. *Islam v Tatarstane v 1990-e gody* [Islam in Tatarstan in the 1990s]. Kazan, Iman Publ., 2005. 144 p.

59. Yumaeva G. Izge keshelər [Holy People]. *Tatarskaya gazeta – Tatar Gazette*. 1999, August 4.

60. Minnullin I. Sun Flower and Moon Crescent: Soviet and Post-Soviet Islamic Revival in a Tatar Village of Mordova. *Allah's Kolkhozes. Migration, De-Stalinisation, Privatisation and the New Muslim Congregations in the Soviet Realm (1950s–2000s) / Stephane A. Dudoignon, Christian Noack (eds). ISLAMKUNDLICHE UNTERSUCHUNGEN BAND 314*. Berlin: Klaus Schwarz, 2014, pp. 421–453.

61. Sagitova L. Traditionalism, Modernism and Globalization Among the Volga Muslims: The Case of Sredniaia Eliuzan. *Allah's Kolkhozes. Migration, De-Stalinization, Privatization and the New Muslim Congregations in the Soviet Realm (1950s–2000s) / Stephane A. Dudoignon, Christian Noack (eds). ISLAMKUNDLICHE UNTERSUCHUNGEN BAND 314*. Berlin: Klaus Schwarz, 2014, pp. 454–493.

About the author: Ilnur R. Minnullin – Candidate of Science (History), Deputy Director, Sh.Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Entrance 5, Kremlin, Kazan 420014, Russian Federation); i.minnullin@gmail.com